

Е Мянэ скорчил рожицу своей невестке, госпоже Цзян. Служанки прикрыли рты ладонями, сдерживая смех, а старая госпожа Е тоже весело расхохоталась:

— И то правда! Своих-то людей он бережет пуще прежнего, боится, как бы не замерзли.

— Вовсе нет, — принялся оправдываться Е Мянэ. — Просто слуги, которых воспитала бабушка, превосходны. Они куда расторопнее тех неумех, что приставлены ко мне в покоях.

— Умеешь же ты задобрить! — Старая госпожа Е, обрадованная его лестью, от души рассмеялась, а затем со значением сказала госпоже Е, госпоже Цю: — Раз уж Мянэ-гэ так нравятся мои служанки, года через два-три я обучу парочку с кротким нравом да и отправлю в его покои.

Госпожа Цю с улыбкой согласилась.

Е Мянэ невольно вздрогнул. «Святые угодники, бабушка... Да сколько же лет этому телу...»

Пока он пребывал в замешательстве, вернулась Юнь-эр вместе с маленькой служанкой. В руках они несли гребни, масло для волос и прочие принадлежности. Старая госпожа Е тут же поторопила его идти причесаться.

Е Мянэ поднялся и перешел в восточную комнату, отделенную лишь занавесью из бусин. У окна стояла покрытая черным лаком кушетка-гуйфэй, устланная толстым волчьим мехом. Как только Е Мянэ улегся, маленькая служанка опустилась перед ним на колени, помогла снять сапоги и подложила ему под шею небольшой парчовый валик с узором из цветков сливы.

Юнь-эр бережно сняла с его головы нефритовый венец, но причесывать сразу не стала. Вместо этого она принялась мягко массировать ему кожу головы. Е Мянэ с облегчением вздохнул: он весь день провел на стрельбище под ледяным ветром, и теперь голова неприятно ныла.

— Сестрица Юнь-эр, хочешь, я завтра после занятий принесу тебе финиковые пирожные из лавки Хуана?

— Ах, было бы чудесно! — с улыбкой отозвалась Юнь-эр. — Попроси их положить побольше бобовой пасты.

— Договорились.

— Четвертый молодой господин Е действительно предвзят! — недовольно надула губы стоявшая рядом маленькая служанка, заворачивая нефритовый венец в платок. — Неужели мы хуже прислуживаем?

— И про тебя я не забыл, — прикрыв глаза, успокоил ее Е Мянэ. — Цай-эр любит засахаренные каштаны, завтра я велю Фэнцзиню купить целый кулек.

— Благодарю за щедрость, четвертый молодой господин Е! — только тогда повеселела маленькая служанка Цай-эр.

Юнь-эр лишь покачала головой с улыбкой. В поместье Е самые строгие правила соблюдались именно у них, в павильоне Шоуюнь. Даже одиннадцатилетняя Цай-эр обычно вела себя чинно и благонравно, и только перед четвертым молодым господином Е позволяла себе капризничать и дуться. Впрочем, винить стоило самого молодого господина: он слишком хорошо умел заботиться о людях. Мало того что говорил с ними всегда мягко и ласково, так еще и помнил

до мелочей, кто из них что любит есть и во что играть. Он то и дело приносил им гостинцы из города, из-за чего служанки так привыкли к его вниманию, что за глаза вечно шептались: «Интересно, придет ли сегодня четвертый молодой господин Е?»

Из-за этого Е Мянэ не раз навлекал на себя недовольство заместителя министра Е. Отец считал, что если Е Мянэ с малых лет так увивается вокруг женщин, то, когда вырастет, если и не станет развратником, то уж точно погубит дела из-за бабьих юбок. Но тут заместитель министра Е явно наговаривал на сына. Каким бы никчемным ни был Е Мянэ, у него и в мыслях не могло возникнуть скотского вождения к несовершеннолетним девочкам. Он просто искренне хотел относиться к ним чуточку теплее. В этом мире женщинам жилось куда тяжелее, чем мужчинам, а эти несчастные и вовсе родились служанками, обязанными угождать господам. Ему было банально их жаль.

Закончив причесывать, Юнь-эр зачесала его волосы за уши и повязала вокруг лба расшитую красную парчовую ленту. Крупная белая жемчужина, украшавшая повязку, пришлась как раз чуть выше межбровья. Это делало и без того изящное, открытое и озорное лицо Е Мянэ еще более благородным и привлекательным.

Только закончили с прической, как вошла служанка и доложила, что пришел глава дома. Цай-эр поспешно достала с обогревательной решетки прогревшиеся сапоги и обула Е Мянэ.

Когда Е Мянэ вышел из восточной комнаты, заместитель министра Е как раз закончил приветствовать старую госпожу Е и присел на стоявшее в стороне кресло. Его невестка, госпожа Цзян, поднялась и вместе со служанками отправилась заваривать чай.

В комнате мгновенно испарилось прежнее оживление. Все слуги, кроме тех, кто был занят делом, стояли навтыжку, опустив глаза, тише воды, ниже травы.

— Мянэ-эр приветствует отца. Желаю отцу здоровья, — Е Мянэ почтительно поклонился заместителю министра Е.

— На кого ты похож?

Атмосфера в комнате вмиг похолодела. Е Мянэ еще не успел выпрямиться, как услышал недовольный голос своего новоявленного папаша и в недоумении поднял голову.

Заместителю министра Е не было еще и сорока. Светлокожий, ухоженный, он выглядел весьма статно, но сейчас его лицо окаменело, а взгляд, направленный на Е Мянэ, сделался суровым.

Видя недоумение на лице законного сына, заместитель министра Е разозлился еще сильнее и отчитал его:

— Едва вернулся с занятий, как тут же снял заколку и браслеты! Расхаживаешь перед бабушкой растрепанным, в неподобающем виде — где твои манеры?

Е Мянэ мысленно хмыкнул. Ладно, насчет волос он согласен, но с чего вдруг одежда неподобающая? Отец просто ищет повод придрататься и готов повесить на него любой грех!

Е Мянэ закусил губу и не стал оправдываться, лишь пониже опустил голову, скрывая выражение лица.

Старая госпожа Е, видя, как Е Мянэ понурил голову словно побитый морозом баклажан, тоже рассердилась:

— Я его бабушка. Что плохого в том, что у меня он держится свободнее?

— Матушка, — заместитель министра Е со вздохом покачал головой, — если бы только у вас он так распускался...

— Ладно тебе, — отмахнулась старая госпожа Е, прерывая его. — Только в дом вошел и сразу за нотации. Дай ребенку спокойно поесть, потом будешь отчитывать.

Заместитель министра Е тяжело вздохнул:

— Матушка, нельзя вам больше так баловать его. Посмотрите на него — никакого почтения к правилам. В его годы братец Цзин уже вел себя куда достойнее.

Старая госпожа Е с громким стуком поставила пиалу на стол:

— Ах вот как! Значит, это я, старуха, избаловала и испортила Мян-гэ?

Госпожа Цю испугалась, поспешно подседа поближе и принялась гладить старую госпожу Е по спине, помогая успокоить дыхание, и одновременно отчаянно заморгала заместителю министра Е, подавая знаки замолчать.

Е Хэн торопливо поднялся с места:

— Матушка, сын ваш вовсе не это имел в виду.

Но старая госпожа Е уже разошлась не на шутку:

— У господина заместителя министра Е теперь такой грозный нрав, куда уж мне спорить! Что ж, сегодня я признаю пред тобой свою вину. — С этими словами она повернулась и велела: — Юнь-эр, на колени!

Стоявшая подле Юнь-эр поспешно опустилась на колени и склонилась до самой земли.

— Матушка, зачем вы так? — засуетился заместитель министра Е, поняв, что мать рассердилась не на шутку.

— Волосы Мян-гэ я велела Юнь-эр распустить, и браслеты, в которых он был на занятиях, тоже я приказала снять. Самой мне, как твоей матери, не с руки просить у тебя прощения — не ровен час, цензоры подадут на тебя жалобу за неуважение к родителям, а ты меня же и обвинишь. Так пусть Юнь-эр сделает это за меня, — холодно хмыкнула старая госпожа Е. — Отныне я, старуха, и пальцем к делам Мян-гэ не прикоснусь. Воспитывайте его сами, как знаете. Погляжу я, вырастите ли вы из него еще одного братца Цзина!

После таких слов старой госпожи Е заместитель министра Е и госпожа Цю больше не смели стоять на ногах. Они оба поспешно опустились на колени, а за ними пала ниц и вся прислуга в комнате, боясь даже вздохнуть.

Е Мяню ничего не оставалось, кроме как тоже опуститься на колени. Он подполз к старой госпоже Е, обнял ее за колени и, прижавшись щекой к ее ногам, жалобно позвал:

— Бабушка...

— Что такое? Решил заступиться за отца? — с суровым видом спросила старая госпожа Е.

— Вовсе нет...

Просто ему не хотелось, чтобы из-за него незаслуженно доставалось матушке.

У старой госпожи Е дрогнул уголок глаза, она едва сдержала порыв дать этому непутевому внуку подзатыльник. Убедившись, что сын не поднимает головы, она быстро подмигнула Е Мяню.

— Внук проголодался, — протянул Е Мянъ.

Госпожа Цю тут же подхватила:

— Матушка, не гневайтесь так, берегите здоровье, иначе кто же станет баловать Мянъ-гэ? Сами знаете, он с детства такой хрупкий, стоит хоть немного опоздать с обедом — и у него сразу начинает болеть живот.

Договорив, госпожа Цю приложила платок к глазам. Старая госпожа Е шумно фыркнула:

— И ты не боишься, что моя любовь снова его испортит?

Это означало, что старая госпожа готова сменить гнев на милость. Госпожа Цю незаметно, но больно ущипнула заместителя министра Е за бок.

— Матушка, сын ваш признает свою вину, — склонил голову заместитель министра Е, прося прощения.

Е Мянъ ухватился за расшитый журавлями рукав старой госпожи Е и легонько потянул его.

— Ладно, поднимайтесь все, — старая госпожа Е сделала глоток чая и лишь после долгого молчания вздохнула. — Отцу воспитывать сына — дело естественное и правильное, я больше не стану вмешиваться в ваши дела. Да только я уже стара. Если захочешь проучить его — веди к себе в кабинет и ругай сколько душе угодно, но не смей устраивать сцен здесь, в павильоне Шоуюнь, и тревожить моё сердце.

— Сын кругом виноват. Не следовало мне бранить его в павильоне Шоуюнь и расстраивать матушку.

— Ну всё, всё, — отмахнулась старая госпожа Е. — Юнь-эр, поднимайся и ступай погляди, всё ли готово у старшей невестки.

Госпожа Цзян была на редкость сметливой: еще тогда, когда заместитель министра Е принялся распекаать Е Мянъ, она потихоньку выскользнула за дверь и теперь всю распоряжалась служанками, накрывавшими на стол.

<http://bllate.org/book/18289/1753811>